

Канила Дозловски

Январь

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Канила Дозловски

Январь

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Дозловски К.

Январь / К. Дозловски — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Когда я впервые приехал в этот город в Сибири, то уже знал, что ненавижу здесь всё и всех вокруг. Больше всего я, конечно, ненавидел родителей. Особенно папу. Я, маленький я, должен покинуть свой родной Петербург, свою школу, друзей, только потому, что за работу здесь платят больше денег. Кому вообще придет в голову уезжать из самого прекрасного места на Земле ради цветных бумажек с картинками? Взрослые! Содержит нецензурную брань.

Канила Дозловски
Январь

Когда я впервые приехал в этот город в Сибири, уже знал, что ненавижу здесь всё и всех вокруг. Больше всего я, конечно, ненавидел родителей. Особенно папу. Я, маленький я, должен покидать свой родной Петербург, свою школу, друзей, только потому, что за работу здесь платят больше денег. Кому вообще придет в голову уезжать из самого прекрасного места на Земле ради цветных бумажек с картинками? Взрослые! Первым делом я возненавидел наше новое жилище: после просторных апартаментов на Лиговском с личной комнатой, я вошёл в квартиру, которая была раза в три меньше нашей прошлой. Ладно, зато не надо будет больше орать через весь дом, чтобы докричаться Маму. Каково же было моё удивление, когда маленький мальчик узнал, что вовсе не вся эта жилплощадь наша, а только третья по коридору направо комната, третья справа вешалка и верхняя правая конфорка на газовой плите. Туалет нужно было делить со множеством соседей! За что папочка, за что? Сдалась тебе эта работенка, эта треклятая нефть!

И ему это давалось не просто. Раньше дома пахло книгами, на Новый год мандаринами и хвоей, дорогими духами мамочки и его одеколоном. Теперь же всё всё всё, абсолютно всё пахло крепким табаком и ветхостью. Стены, потолок, пол никто и не подумал бы покрасить, постелить линолеум или хотя бы снять веником паутинки. Никто до мамочки. Жилплощадь заметно преобразилось после около недели нашего пребывания, что не очень-то понравилось нашим соседям. “А мне так блять удобнее!!!” – кричал этот пынчуга на маму, убирающую мешавшее проходу мусорное ведро из коридора под раковину. Сказать, что сердце в тот момент у меня из груди вырывалось, – ничего не сказать. Ещё секунда и я б накинулся на него, начал бы избивать этого уроды своими маленькими ручками и, вероятно, травмировался бы. Благо с работы пришел отец. О да, я точно его сын. Раскатистый баритон папы покрыл всякую смешанную с тюремным жаргоном брань. Один сломанный нос на синепьяной роже, одна угроза ножевого ранения, два стакана водки, несчетное количество тостов за дружбу, и соседство, и мир. Один мой герой – мой Отец. Тем же вечером состоялся такой диалог:

–Пап, ты как Пушкин.

–Почему это?

–Ты заступился за честь своей жены.

–Пушкин, сынок, заступался за собственное самолюбие, а я – за свою семью. И ты так должен. Никто так не может разговаривать с семьёй, понимаешь?

–Понимаю. – хотя я не понимал.

Ещё когда мы уезжали, я болел. Обнаружилось это на второй день в поезде. Меня укутали во всю одежду, которая была с собой, растёрли чем-то гадким, напоили горячим чаем. Весь мой организм сопротивлялся этому перемещению, но тщетно – пути назад уже не было. На второй день после заселения я уже был на ногах, но моя сердобольная мама оставила меня дома ещё примерно на неделю. А затем, нужно было отправляться в школу. Как родители не пытались описать невероятные преимущества этого заведения, я-то знал, что ни веселья, ни новых друзей, ни уж тем более знания я там не сыщу. Но сцен не было – им было так же непросто, как и мне. А может быть и ещё хуже, ведь я в особо тяжелые минуты мог сбежать обратно в Петербург: забраться под круглый стол на кухне, заслонить все источники света плотной скатертью, закрыть глаза, и вот я уже не здесь, а иду по набережной Мойки, снимаю уважительно свою кепочку перед домом 12, сворачиваю на Дворцовую. Да, родителям было тяжелее. Они так не могут – не поместятся они под этот круглый стол. Взрослые.

Гром грянул в следующий понедельник. Мама разбудила меня рано-рано утром, мы позавтракали, оделись и покинули жилище.

-Зачем так рано подниматься,ещё совсем темно.

-Школа далеко, транспорта почти нет, но я договорилась с соседом, нас довезут.

-Ему-то это зачем?

-Он в школе работает кем-то, так что при хорошем поведении будешь ездить на машине, как раньше.

-Как раньше уже не будет.

За таким разговором через сугробы и гололед мы добрались до гаражей. Они стояли, как конюшни, ровными рядами. Тусклый свет от двух на целый район фонарей играл на падающих снежинках. Один из “коней” был выведен из стойла, и уже представленный мне сосед всеми силами старался завести эту развалюху.

Сосед оказался даже интеллигентным, можно сказать, человеком. Но доехали мы до школы совсем не славно. В маленьких городах дорог почти нет.

Издалека школу можно было спутать с больницей для душевнобольных или даже с тюрьмой. Зачем? Зачем, сможет ли кто-нибудь в этом мире ответить, зачем нужны такие высокие заборы в школе? Не многие станут отсюда бежать. Да и куда бежать-то?

Вторая и высшая ступень охраны этого заведения – аккуратная бабушка в больших очках с толстой оправой. Когда мы с мамой зашли, она отвлеклась на нас от дешевой книжки в мягкой обложке, “Роковая любовь” и всё в этом духе. Она отложила вместе с книжкой меж страниц коротенький зеленый карандашик, которым делала пометки в этом чтиве. Мне всегда так жалко было книги, когда люди пишут в них. Будь я писателем, никогда не оставлял бы в книгах автографы – это же ужас! Но эту книжку мне не жаль совсем.

-Документы говорю вам, гражданочка. Я что вас всех в лицо знать должна? Знаете, сколько таких как вы здесь ходят: зашла с одним мальчиком, вышла с другим, да? А потом вас ищи свищи. Мимо мене не проскочути, мы здесь воробыи стреляные!

Как ни старалась мамочка объяснить, что паспорт ей новый ещё не сделали и что временное удостоверение лежит в нашем жилище, и каким путём мы добирались сюда, – всё тщетно.

Люди эти едва ли понимают, с чем и я, и мамочка, и папа живём сейчас. Может эта читательница ещё сдерживалась, чтоб не рассмеяться маме в лицо: тяжело? как же, вы ведь на машине ехали, и на том спасибо скажите в наших краях.

Я начал готовиться к худшему: везти нас обратно было некому, снегопад за окном усилился, красная полосочка на термометрах становилась всё короче и короче. На наше счастье мимо этого КПП проходил мужчина в серо-зеленом костюме, шаркая старыми туфлями по деревянному полу. По внешности он маму узнать, конечно, не мог, да и по голосу шансов было мало – всё, что она произносила, – междометья, вставляемые в паузы бравады поклонницы дешевой прозы. Но может этот мужчина, который по счастливой случайности оказался ещё и директором, внимательно слушал мамин голос в телефонных разговорах. А её все всегда слушали очень внимательно, – что-то вроде таланта, который, к сожалению, мне не передался.

Итак, директор её узнал. Меня он даже потенциально узнать не мог, но я на маму похож, как две капли воды.

Старые деревянные полы скрипят, желтые обои с выцветшим цветочным орнаментом и потолки с облупившейся штукатуркой провели нас к кабинету директора. Комнатка была маленькая-премаленькая: справа от двери стоял небольшой шкаф с книгами, в полутора метрах

от входа помещался даже не стол, а обычная парта. Мама села на стул, я стоял у шкафчика, директор обошёл свой стол и тоже сел, за спиной у него окно.

Тут же, пока они разговаривали, мне вспомнился кабинет директора в моей гимназии, дома. Туда я был часто приглашенным гостем за разные “заслуги”. Да, те стены не чета этим, и шкафчик вмещал в себя в десятки раз больше литературы. Мой бывший директор Юлий Леонидович имел самые передовые взгляды на учеников и школу в целом. Ни разу(!), ни единого разочка он не вызывал чьих-либо родителей. “Даже если в дисциплине родителей у меня есть сомнения – это не важно. Ученик мой – ты, я в ответе за то, каким человеком отсюда выйдешь ты, а не они, потому и разговаривать я буду с тобой. На любом из доступных мне пяти языков.”

Эту последнюю фразу он всегда добавлял, конечно, чтобы поставить себя – с таким человеком уже приходится общаться по-другому. И каждая беседа длилась одинаково спокойно и заканчивалась одинаково: Юлий подходил к своему бесконечному шкафу, ни минуты не раздумывая, брал книгу (он всегда точно знал, откуда и какую именно взять) и вручал её своему гостю. Если, войдя в кабинет, я видел, что шкафчик “похудел”, значит дела в гимназии идут не гладко, и разговор будет действительно тяжелый. Вся литература после прочтения возвращалась исправившимся уже в библиотеку, откуда мирно старшеклассники её переносили обратно в шкаф. А не читать эти книги было нельзя – хоть никто и не проверял, но уснуть не получалось, пока проступок не отработан направляющей на путь истинный литературой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.